

Конец — это не конец: Рецензия на книгу Бена Уэйра «Об исчезновении: Начинать заново в конце»

Нишок Г.У.*

Аннотация

Мы живём в эпоху исчезновений и концов: экстремальные климатические события, шестое массовое вымирание видов, глобальные пандемии, политическая и экономическая нестабильность, масштабные социальные и культурные потрясения, возобновлённая возможность ядерного уничтожения, ускоренное развитие ИИ и многое другое, что может положить конец не только человеческому роду, но и жизни на Земле, какой мы её знаем.

Эти ужасающие события, пишет Бен Уэйр в одном из самых выразительных пассажей своей книги 2024 года «Об исчезновении: Начинать заново в конце» (Verso Books, 2024), «усилили ряд печальных страстей и отчуждающих симптомов: избыточную ярость, гипертревожность, циничную покорность, зависимость от оцепеняющих форм удовольствия, идентитарный нарциссизм, коллективную паранойю, меланхолический уход, историческое забвение... То, о чём мы здесь говорим, — это новый вид травмированной психической реальности, новая раненная субъективность».

Диалектика конца

Во время сходящихся кризисов книга Бена Уэйра — своевременное, творческое, радикальное, слегка контринтуитивное, но в конечном счёте продуктивное размышление о многих катастрофах, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Я говорю контринтуитивное, потому что вместо того, чтобы видеть исчезновения исключительно как события, завершающие мир, он видит в них — классическим диалектическим образом — возможность возрождения и обновления. Они — возможность выполнить «Мастер-сброс» во всех сферах человеческой жизни: философской, политической, экономической, социальной, культурной и экологической. Его постоянный вопрос на протяжении всей книги: Можем ли мы начать заново в конце?

Но что вообще означало бы начать заново в конце, философски, политически и иначе? И, что более важно, как мы это делаем? В разговоре прошлого года Уэйр заметил, что история современной европейской философии может быть перечитана как история размышлений об исчезновениях или конце света. Фактически, он начинает свою книгу с одного такого примера от Канта. В своём позднем эссе «Конец всех вещей» Кант утверждает, что именно идея конечной цели придаёт ценность жизни разумных существ, без которой «само творение кажется бесцельным... как пьеса без развязки и не дающая никакого познания какой-либо разумной цели». Концы были не только главной заботой современной западной философии; современная популярная культура также одержима ими, как видно из недавнего взрыва апокалиптических и постапокалиптических фильмов.

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА

«История современной европейской философии может быть перечитана как история размышлений об исчезновениях или конце света»

Уэйр выделяет два способа, которыми концы представлялись в современном кинематографе. Один — конец как возвышенное событие, «как зрелищная катастрофа, внезапное и насильственное вторжение извне». Это знакомый троп, где внешнее событие (например, массивный метеорит) вызывает массовое вымирание. Но это, думает Уэйр, имеет эффект смещения «всего зла изнутри мира (капиталистических экономических и социальных отношений) вовне (хаотичную вселенную саму по себе)». Обрамление конца как возвышенного события таким образом служит психической защитой от признания реальности, что нынешнее состояние мира, где поздний капитализм безнаказанно опустошает нашу политику, культуру и экологию, никогда не закончится. Имея это в виду, Уэйр вызывает знаменитую строку Фредерика Джеймсона: «Кажется, нам сегодня легче представить себе полное ухудшение Земли и природы, чем крах позднего капитализма».

Это связано со второй идеей конца, понимаемого как застревание, как бесконечное повторение, «конец, который, кажется, разыгрывается бесконечно». Это идея, что ужас, который есть наше настоящее, будет длиться вечно, повторяться по кругу, без видимых изменений или трансформаций. Это, фактически, постоянный рефрен на протяжении всей книги. Уэйр цитирует Эрика Каздина, чтобы подчеркнуть, что «мы вошли в новый хронический режим, промежуточное время без конца... неумиряющее на-

стоящее, которое остаётся навсегда большим». Вскоре после этого он продолжает: «Мы, кажется, обнаруживаем себя застрявшими в остановленном времени: неспособными двигаться ни полностью вперёд, ни полностью назад... [наше] расширяющееся настоящее приобретает характер состояния лимба».

Критика современных «решений»

Несколько «решений» были предложены как выход из этого «состояния лимба». Уэйр критически рассматривает два таких противоречивых ответа на современные кризисы — антинатурализм и де-эстинкцию, — оба из которых, как он думает, ужасно не дотягивают.

Философское ядро антинатурализма таково: человеческая жизнь, любая человеческая жизнь, такова, что количество боли намного превышает количество удовольствия, поэтому лучше всего было бы вообще никогда не рождаться. Но поскольку мы уже здесь, следующее лучшее — покончить с собой, либо путём добровольного массового самоубийства, либо отказываясь размножаться и добавлять новую жизнь к этому трагическому существованию. Экологический вариант этой мысли, который Уэйр называет «экологическим антинатурализмом», звучит так: все беды природы происходят из-за людей, поэтому единственный способ защитить и спасти природу — убить себя.

Уэйр выдвигает два возражения против антинатурализма. Первое — он приравнивает существование к страданию, не будучи чувствительным к тому факту, что страдание и несчастье неравномерно распределены в мире, разорённом неравенством. Он таким образом ове-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МССХ*

ществляет текущую матрицу человеческих отношений и поддерживает аполичное объяснение патологий общества. Второе, и более важное, антинатализм не имеет воображения альтернативного будущего. Он молчаливо поддерживает идею, что нет реальной альтернативы капитализму. Хотя антинатализм справедливо ставит под сомнение некритичный оптимизм, который оживляет большую часть современной либеральной политики, он также удерживает нас в «тупом презентизме», в котором «возможность новых коллективных форм жизни остаётся вечно подавленной».

«Уэйр думает, что философский пессимизм, лежащий в основе антинатализма, недостаточно радикален. Фактически, он может, в конце концов, быть очень оптимистичным»

Но антинаталист, может подумать сочувствующий читатель, не потрудился вообразить другое будущее, потому что любое такое будущее будет трагичным и полным страданий тоже. Отказываясь от возможности лучшего будущего, они просто остаются верными своему фундаментально пессимистическому мировоззрению. Однако Уэйр думает, что философский пессимизм, лежащий в основе антинатализма, недостаточно радикален. Фактически, он может, в конце концов, быть очень оптимистичным. Было сказано, наиболее знаменито Адорно, что мы не можем жить правильно в неправильном мире. Но антинаталист по крайней мере надеется умереть правильно в неправильном мире. Для Уэйра, однако, эта надежда в конечном счёте ошибочна, ибо капитализм настолько прогнул изнутри, что даже смерть и умирание не могут быть зна-

чимыми или заметными в мире, организованном этими разрушительными отношениями.

Далее, перейдём к де-экстинкции или биологии воскрешения. (Какое теологически звучащее имя для современной ветви биологической науки!) Как следует из названия, де-экстинкция пытается вернуть вымершие виды с помощью генетических технологий. Во-первых, де-экстинкция была предложена как ответ на огромную потерю биоразнообразия, которую мы наблюдаем сегодня, предполагаемый бастион против шестого массового вымирания. Во-вторых, она предназначена для того, чтобы влить некоторую надежду против обречённости и мрака, которые обычно характеризуют современный экологический дискурс. Однако, учитывая, что обстоятельства, вызывающие текущие вымирания, только ухудшаются, неясно, чего должно достичь восстановление вымерших видов. И мы всё ещё в значительной степени в неведении относительно последствий возвращения этих животных обратно в дикую природу.

Помимо этих стандартных критик, Уэйр утверждает, что де-экстинкция — лишь самый крайний пример того, что он называет «антропоцентрическим возвышенным», то есть «попыткой создать новые формы чуда и благоговения на фоне планетарного крушения... Эта попытка заполнить «недостаток» природы, заткнуть экологическую дыру, — это явно стремление к господству». С одной стороны, она позиционирует себя как новая «экологическая теология». Она надеется исправить изменение климата и обратить вспять массовое вымирание и «спасти» природу, пытаясь вернуть к жизни давно умершую «харизматичную мегафауну». Но, с другой стороны, эта

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГТУ-МСХА*

экологическая теория в своей основе апокалиптична. В её основе лежит извращённый принцип био-капитализма: живые существа, сведённые к простым пакетам генетического кода, которые можно контролировать, манипулировать и торговать ими.

Начинать заново в конце

Куда ещё мы можем обратиться, если эти современные ответы на сходящиеся кризисы недостаточно хороши? Как мы действительно начинаем заново в конце? Я выделю три направления мышления Уэйра по этому поводу.

Во-первых, Уэйр говорит об идее «смотреть исчезновению в лицо», особенно в связи с фильмом Ларса фон Триера «Меланхолия» (2011). Момент трансформации для глубоко депрессивной героини Жюстин наступает, когда она лежит у ручья, совершенно обнажённая, глядя в небо и видя планету Меланхолия, несущуюся к Земле — момент фактического взгляда исчезновению в лицо. Вместо того чтобы вызывать ужас или вызывать отчаяние, такой момент полностью оживляет и преображает Жюстин. Она рождается заново в этот момент. Уэйр думает, что это потому, что она наконец может начать заново с нуля. Она достигает точки конца, исчезновения, ничто, не чтобы остановиться там, но чтобы выйти за пределы ничто, чтобы высвободить «радость новых вещей».

«Любая политика, информированная психоанализом, должна признать, что полное искупление человеческих субъектов обязательно и всегда будет терпеть неудачу»

Опираясь на работу Симоны Вейль, Уэйр предполагает, что мы можем участвовать в процессе «революционного раз-творения», через который «субъект входит в «зону смелости» и переживает свою собственную символическую смерть как необходимую часть творческого процесса возрождения, начала заново в конце». Это не что иное, как попытка искупить человечество. Но твёрдая основа Уэйра в психоанализе побуждает его добавить несколько оговорок к тому, что поставлено на карту в этом предприятии. О чём мы говорим, когда говорим об искуплении человечества? Во-первых, любая политика, информированная психоанализом, должна признать, что полное искупление человеческих субъектов обязательно и всегда будет терпеть неудачу, не потому, что революции обречены на провал (как хотели бы заставить нас поверить циники), а потому, что отчуждение — конститутивная черта человеческой субъективности.

То, на что может и должно быть направлено революционное раз-творение или искупление, — это более скромная цель отмены и преодоления того, что Уэйр называет «избыточным отчуждением». Всё, на что мы можем надеяться создать, утверждает Уэйр, — это «будущее освобождённых, бесклассовых невротиков — невротиков, потому что это просто базовая структура человеческих говорящих существ, — которые, больше не подверженные немому принуждению пожирающей жизнь рыночной логики, теперь способны реализовать действительную свободу и подлинное творчество как в своих повседневных действиях, так и в своих коллективных отношениях с другими». Это переосмысленное видение искуплённого чело-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

вечества, к которому может привести нас политика, информированная психоанализом.

Второе направление мышления Уэйра включает освобождение от устаревших форм темпоральности и переосмысление наших отношений со временем как таковым. Согласно Уэйру, мы обычно принимаем два отношения к катастрофам, завершающим мир. Мы либо думаем, что они наступят завтра (которое никогда не наступает и только бесконечно отступает в горизонт) и, таким образом, никогда не доходим до действия, либо нас призывают действовать «как если бы» катастрофа уже произошла, чтобы мы действовали сейчас, чтобы предотвратить худшее.

С одной стороны, тогда нам говорят, что уже слишком поздно. Независимо от того, что мы попытаемся сделать сейчас, это не будет иметь большого значения, ибо момент для действия уже прошёл. В качестве альтернативы мы можем думать, что ещё есть время для значимого вмешательства, но это окно быстро закрывается, поэтому нам лучше действовать сейчас. Он находит оба проблематичными: «В то время как «слишком поздно» ведёт в направлении меланхолического бездействия, «действуй сейчас» имитирует различные формы нарциссической гиперактивности». Уэйр рекомендует третий подход, который заключается в том, чтобы поместить себя внутрь момента катастрофы — ибо она уже здесь, о чём свидетельствуют повторяющиеся и экстремальные погодные явления, массовое вымирание видов и глобальные пандемии.

«Один из способов думать о начале заново в конце — сказать, что это включает волю к творению с нуля»

Третье и последнее направление касается природы самой революционной деятельности. В начале книги Уэйр задаёт провокационный вопрос: «Как мы можем представить себе будущее, которое не является просто продолжением испорченного настоящего?» Французский философ Клод Лефор считал, что лучшие революции прошлого имели встроенное в них двойное движение времени: «[О]ни обращались к прошлому, но только как предпосылка для «открытия в будущее»». Природа революционной деятельности такова, что она достигает в прошлое, вызывает его обратно к жизни, реализуя его революционный потенциал в настоящем, и, в процессе, создаёт радикально иное и более пригодное для жизни будущее.

Как мы видели, один из способов думать о начале заново в конце — сказать, что это включает волю к творению с нуля. Но это не означает, что мы должны начинать полностью с нуля. И такая вещь всё равно невозможна. Как выражается Уэйр, «Строго говоря, нет чистых страниц, на которых можно было бы написать текст истории». Мы унаследовали страницы, уже «переписанные руками предыдущих поколений». Цель революционной деятельности — просто сделать эти тексты из прошлого читаемыми для нынешнего поколения, то есть «актуализацию прошлого, которое ещё не полностью существовало, прошлого, которое всё ещё остаётся впереди нас во времени».

Критические замечания

Позвольте мне закончить, подняв две проблемы с этой в остальном замечательной книгой. В последней главе Уэйр

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

вызывает идею Вальтера Беньямина о «политическом варварстве» как способе противостояния недугам капитализма и преобразования общества изнутри:

Именно разрывая вездесущее настоящее — настоящее как застревание — политика способна вернуть прошлое к бытию, ретроактивно пробудить заблокированные возможности предыдущих неудавшихся революционных попыток. В этом отношении новое политическое варварство будет стремиться к тому, что Маркс называет сознательным завершением старой работы.

Центральной фигурой для политического варварства является разрушительный характер, который, как выражается Беньямин в своём одноимённом эссе, «знает только один лозунг: освободить место. И только одну деятельность: расчистку... Не только грубой силой; иногда самыми утончёнными средствами... То, что существует, он сводит к руинам — не ради руин, а ради пути, ведущего через них». И такая политика, что наиболее поразительно, осуществляется со смехом, то есть «варварским смехом».

«Если он не выступает за насилие, почему в тексте есть такие явные ссылки на насилие, агрессию и разрушение?»

В том же духе Уэйр говорит об идее «революционного демонического»: «Подобно демоническому, революционная деятельность сама отмечена ужасающим избытком: она отрицает то, что мы понимаем как «этику», «политику», «субъективность», и в этом отношении она сотрясает реальность до самого её основания. Действительно есть смысл, в котором революционные потрясения чу-

довищны, ужасающи и возвышенны». И снова, в последней главе, Уэйр говорит: «новое, как опытным, так и материальным образом, может возникнуть только через полностью осуществлённое разрушение. Против капиталистического разрушения необходимо «омолаживающее» и «радостное» разрушение самого капитализма».

Все эти пассажи намекают на место и проблему политического насилия, которая является вопросом, с которым должна столкнуться любая радикальная политика. Какова природа политического насилия? Существуют ли приемлемые и неприемлемые формы его? Может ли насилие быть «этичным», насколько это касается революционной политики? К сожалению, Уэйр не берётся за эти вопросы в книге.

Более того, его собственное отношение и взгляды на насилие не проработаны. Выступает ли он за политическое насилие? Если да, то какое и какие формы насилия? Как он оправдывает это предложение? С другой стороны, если он не выступает за насилие, почему в тексте есть такие явные ссылки на насилие, агрессию и разрушение? Какую роль они играют в общей схеме книги или его аргумента? Они лишь для риторического эффекта? Или у них есть более широкие философские, а также политические цели?

Другая проблема — ограниченное прочтение Уэйром «настоящего». Уэйр, который придаёт диалектический поворот почти каждой концепции и идее в книге, недостаточно исследует диалектический потенциал и возможности настоящего. Как я показал, настоящее преимущественно ассоциируется с застреванием, мёртвостью, порчей, которую нужно сопротивляться или от кото-

рой нужно бежать. Но настоящее есть и может быть гораздо большим, чем это. Хотя я понимаю импульс избегать опасностей политики, поддерживающей статус-кво, есть другая сторона, так сказать, настоящего, которая лучше всего воплощена и проиллюстрирована многими из наших самых богатых созерцательных традиций.

Они могут помочь нам не только переосмыслить настоящее (от места застревания к месту освобождения), но и изменить наши отношения с ним (от отращения или отвержения к полному проживанию его). Часто повторяемая инструкция медитации осознанности «возвращение в настоящий момент», вместо игнорирования прошлого или отрицания будущего, направлена на создание достаточной просторности внутри себя, чтобы можно было открыться и оставаться с трудными истинами и суровыми реальностями (такого рода, которые Уэйр раскрывает в своей книге) и, делая это, искренне и сознательно сделать другой выбор, радикальный выбор и, таким образом, двигаться к новым, даже доселе невообразимым возможностям и будущим.

««Настоящее» преимущественно ассоциируется с застреванием, мёртвостью, порчей, которую нужно сопротивляться или от которой нужно бежать. Но настоящее есть и может быть гораздо большим, чем это»

Также есть определённая инструментальность в обращении и понимании Уэйром настоящего. Оно в значительной степени рассматривается как простое средство или сцена для осуществления «сознательного завершения старой работы» или трамплин для перехода в

«радикально иное будущее». Но что он неадекватно признаёт, так это уникальность и единичность каждого момента («Нельзя дважды войти в одну и ту же реку»), которая требует особого рода чувствительности и (неинструментального) внимания, чтобы «раскрыть» его природу и потенциальности.

Даже решения и выборы относительно того, какие революционные «пути» следовать, лучше всего принимаются после интимного взаимодействия с моментом, который здесь и сейчас. Это, возможно, лучший способ узнать, какой наиболее подходящий курс действий для этого момента. Не все наши многочисленные прошлые действительно доступны нам прямо сейчас. Не все многочисленные возможные будущие действительно открыты для нас прямо сейчас. Так что, даже если бы кто-то думал, как Уэйр, что игра революции разыгрывается на полях прошлых и будущих, близкое и настроенное взаимодействие с настоящим незаменимо, чтобы знать, в какие прошлые и будущие можно и следует опираться. Без этого наши действия, включая революционные, были бы гораздо менее эффективными и преобразующими в мире. Диалектический, продуктивный и, осмелюсь сказать, революционный потенциал настоящего настолько огромен, но, к сожалению, недостаточно исследован и подчёркнут в этой книге.

Что более иронично, так это то, что слова, которые наиболее резонируют на протяжении всей книги Уэйра — идея начинать заново в конце, — сразу же вызывают в уме знаменитую дзенскую инструкцию: «Начинай заново!» И, на мой взгляд, этого достаточно, чтобы указать на огромный продуктивный по-

**Конец — это не конец: Рецензия на книгу Бена Уэйра «Об исчезновении: Начинать заново в конце»
Нишок Г.У.**

тенциал и перекрёстное обучение, которые могут возникнуть от диалога революционной политики с нашими созерцательными практиками в различных традициях. Получившаяся «медитативная

политика» может научить нас не только тому, как начинать заново в конце, но и тому, как начинать заново здесь и сейчас.

* Нишок Г.У. — аспирант Индийского технологического института в Дели, Индия. Он работает в области экологической философии. Он один из управляющих редакторов в The Philosopher.

Перевод рецензии Нишока Г.У. на книгу Бена Уэйра «On Extinction: Beginning Again at the End»

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

